

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ГРЕЧЕСКОГО РОМАНА „ВАРЛААМ И ИОАСАФ“ (ОБЗОР КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ)

Вопрос о происхождении греческого романа „Варлаам и Иоасаф“, четверть века тому назад служивший предметом живого обсуждения в западной¹ и русской науке², вновь привлек внимание византологов и ориенталистов как в Европе³, так и в Америке⁴. Поводом к этому явилась работа мюнхенского византиниста Ф. Дэльгера, в которой вновь была сделана попытка обосновать давно отвергнутую теорию, приписывавшую Иоанну Дамаскину авторство греческой версии этого романа⁵.

Работа Ф. Дэльгера не получила признания (как это видно, в частности, из ряда отзывов на нее) (см. прим. 4). В резко полемическом тоне пишет он об Евфимии Ивере, которого прежде признавали автором греческой метафразы романа о Варлааме и Иоасафе.

Автор настоящей статьи также подверг анализу вопросы, поставленные Ф. Дэльгером в его работе⁶. Здесь нет места для сравнения положений Ф. Дэльгера и моих критических замечаний, отмечу лишь, что ни метод исследования, ни базирующиеся на нем выводы Ф. Дэльгера не оказались для меня приемлемыми.

Невозможно найти конкретное решение вопроса об авторстве греческого „Варлаама“, если сводить весь анализ к сравнению способов выражения и манеры доказательства. Этот метод не применим по отношению к памятникам, писавшимся в условиях, когда и формы выражения и приемы доказательств были строго регламентированы и определены традицией. По существу Ф. Дэльгер повторил ошибку II Никейского собора, приписавшего на основании сходства указанных признаков „Лимонарий“ Иоанна Мосха (начало VII в.) Софронию Палестинскому. Но *profundius postea cogitandi* — сторонники авторства Софрония, убедившись в ошибочности такого отождествления, отказались от него⁷. Что касается выводов, то не совсем правильный метод Ф. Дэльгера предопределил их ограниченный характер. Разумеется, сравнительный анализ текстов необходим для решения вопроса об авторстве изучаемого памятника, но само по себе сходство форм выражений, приемов доказательства и т. п. между текстом писаний Дамас-

¹ В конце прошлого столетия, как известно, французский ученый Зотенберг (H. Zotenberg. *Notices sur le livre de Barlaam et Ioasaph*. Paris, 1886) решительно выступил против атрибуции греческого „Варлаама“ как Иоанну Дамаскину, так и Евфимию Иверу.

² Этот период русской востоковедения именовался даже „варлаамовским“ (см. введение академика И. Ю. Крачковского к переводу „Повести о Варлааме и Иоасафе“ академика В. Р. Розена. М.—Л., 1947, стр. 16).

³ Особенно следует отметить работу бельгийского ученого П. Пеетерса (P. Peeters. *La premiere traduction latine de „Barlaam et Joasaph“ et son original grec* AB, t. 49, 1931, p. 276—342).

⁴ Fr. Halkin. *De publication hagiographique* (рецензия на кн. Дэльгера: F. Dolger *Der griechische Barlaam-Roman ein Werk des H. Joannes von Damaskos*. Ettal, 1953. „*Studia patristica et byzantina*“, I.), AB, t. 71. f. III—IV, 1953, p. 475—480; D. M. Lang. *St. Euthymius the Georgian and the Barlaam and Joasaph romance*. „*Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London“, vol. XVII, part 2, 1955; p. 306—325, Gl. Downey. Рецензия на упомянутую книгу Дэльгера („*Speculum*“, vol. XXXI, 1956, № 1, p. 165—168).

⁵ F. Dolger. *Der griechische Barlaam-Roman ein Werk des Johannes von Damaskos*. Ettal, 1953. „*Studia patristica et byzantina*“, I.

⁶ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа „Варлаам и Иоасаф“. Тбилиси, 1956, стр. I—VIII, 246.

⁷ Там же, стр. 100 сл.

кина и греческого „Варлаама“ — сколь бы значительным оно ни было — не может служить основанием для тезиса об авторстве Дамаскина.

Нужно отметить, что как сторонники точки зрения, признающей автором романа афонского деятеля Евфимия Ивера (Пауль Пеетерс и Н. Я. Марр), так и Ф. Дэльгер ни разу не пытались сравнить текст грузинского „Варлаама“ с греческим.

В своей работе я предложил такое сравнение текстов грузинского и греческого „Варлаама“⁸. Но если для выяснения взаимоотношений между грузинским и греческим „Варлаамом“ требовалось сравнить эти два текста, то с неменьшим основанием требовалось для той же цели рассмотреть вопрос о происхождении самого грузинского текста. Таким образом, расширилась область исследования: нельзя было ограничиться только последней ступенью исторического развития романа, т. е. выяснением взаимоотношения между грузинским и греческим памятником. В этой связи в моей работе был поставлен и в той или иной мере решен вопрос о времени создания грузинского „Варлаама“ и о его авторе. Последнее было тем более необходимо, что если в течение долгого времени наука занималась вопросом о взаимоотношении грузинского и греческого текстов „Варлаама“, имея в виду только один грузинский вариант под названием „Мудрость Балавара“, то обнаружение другой редакции грузинского текста под названием „Житие блаженного Иоасафа“ осложнило проблему о первоисточнике греческого „Варлаама“⁹. Прделанный мною анализ текста Иерусалимской рукописи № 140 подтвердил представление о первичности грузинской редакции „Мудрость Балавара“, о ее связи с греческой редакцией и показал зависимость Иерусалимского варианта как от „Мудрости Балавара“, так и от греческой редакции Евфимия Ивера¹⁰. Стало возможным утверждать, что Иерусалимский вариант был выполнен в XI в. в окружении ученика Евфимия Ивера — Прохора, реставратора грузинского Крестного монастыря в Палестине, откуда эта рукопись и была взята для патриаршей библиотеки в Иерусалиме.

Поскольку моя задача заключалась в объяснении начальных и заключительных указаний греческого текста, касающихся происхождения повести о Будде, то было весьма важно установить, что лишь первый вариант — „Мудрость Балавара“, — где только и имеются эти указания, мог быть источником для греческого метафраза. „Житие блаженного Иоасафа“ не сохранило упомянутых указаний и уже в силу этого не имеет отношения к вопросу о происхождении греческого „Варлаама“.

В своей работе „К происхождению греческого романа...“ я прямо поставил Ф. Дэльгеру вопрос: как и откуда могло появиться в греческом метафразе упоминание имени Иоанна Сабайта как составителя записи повести о Варлааме. Ф. Дэльгер в письме ко мне (июнь 1957 г.) обещал дать обстоятельный ответ в печати. После этого он опубликовал библиографическую заметку, касающуюся моей работы, но поставленного мной вопроса не коснулся¹¹. Надеюсь, что он это сделает в обещанном специальном ответе.

⁸ Там же, стр. 143—190.

⁹ Эта рукопись, найденная в патриаршей библиотеке в Иерусалиме, была описана Р. Блейком (см. R. Blake. Catalogue des manuscrits géorg. de la bibliothèque patriarcale grecque à Jérusalem. „Revue de l'Orient Chrétien“, t. 25, 1925—1926, p. 143 и др.).

¹⁰ Ш. И. Нуцубидзе. Ук. соч., стр. 191—203.

¹¹ См. BZ, Bd. L, S. 514 (краткая рецензия Дэльгера отдельного заглавия не имеет).

Кроме Ф. Дэльгера, о моей работе высказались еще три западных автора. Самый пространный отзыв принадлежит одному из редакторов „*Analecta Bollandiana*“ Паулю Дево: „К происхождению греческого романа „Варлаам и Иоасаф“. По поводу нового тезиса г. Нуцубидзе“¹². В 1956 г. Жерар Гаррит, известный медиевист-ориенталист (Лувэн), выступил на международном конгрессе филологов с докладом на тему „История грузинской культуры в средние века“, в котором остановился и на моих исследованиях последнего времени относительно проблемы автора ареопагитики, а также о греческом „Варлааме“. Коснувшись вопроса об Иоанне Мосхе, как авторе „Мудрости Балавара“ (и греческого, и грузинского вариантов), автор ограничился простым заявлением, что это „довольно парадоксально“ — и только, что, разумеется, не устраняет остроты проблемы и не ослабляет силы высказанных мною аргументов. Более подробно рассмотрены мои положения в английской работе Д. М. Ланга¹³. Автор противопоставляет свое мнение о первичности Иерусалимского текста № 140 моему тезису о первичности „Мудрости Балавара“ и считает, что имеющие столь важное значение вводные замечания этого текста, перенятые греческим метафразом и в начале, и в конце греческого текста, являются позднейшей рекламной припиской, „подобной припискам, делаемым современными издателями“. Однако если допустить, что такая приписка делалась для придания памятнику характера давности, то почему она не могла быть сделана именно к „Житию блаженного Иоасафа“? Английскому автору можно поставить тот же вопрос, что и немецкому исследователю Ф. Дэльгеру: если устранить из источника упоминание об Иоанне Сабайте как авторе записи о Варлааме и Иоасафе, заимствованное греческим метафразом, а также все сказанное там же об истории создания этой редакции, то как и чем объяснить их появление в греческом тексте? Так же неосновательно считать, что Иерусалимский текст „Варлаама“ переведен с арабского (бомбейского) текста, потому что сходство в отношении содержания (да еще с разницей в именах) в одном и том же повествовании никак не может считаться доказательством такого перевода. А грузинская редакция „Мудрости Балавара“ именно благодаря ее начальным указаниям на связь ее автора с Софронием Палестинским никак не может быть сдвинута с VII в., и если кому-нибудь угодно искать для нее арабский оригинал, тот должен доказать наличие в VII в. арабской христианизированной версии легенды о Будде, что при современном состоянии науки сделать невозможно.

Ф. Дэльгер пока не высказался окончательно по дискутируемым вопросам, и, поскольку он следует за П. Дево, можно ограничиться рассмотрением соображений последнего; отметим лишь, что в своей краткой заметке Ф. Дэльгер допустил ряд неточностей.

Так, он, как и П. Дево, указывает на то, что, говоря о недавнем „открытии“ Иерусалимского текста № 140, я якобы тем самым умаляю заслугу американского ученого Роберта Блэйка, который гораздо раньше указал на этот текст¹⁴. Этот упрек по моему адресу несправедлив и неправилен по существу. В своей работе о греческом „Варлааме“ я совершенно точно говорю, что еще в 1925—1926 гг. Р. Блэйком „найжены и описаны соответствующие рукописи Иерусалимской

¹² P. Devos. De l'origine de roman grec Varlam et Joasaphat. A propos de la thèse nouvelle de M. Nuzubidse. AB, t. 75, 1957, p. 83—104.

¹³ The Wisdom of Balahvar. A christian Legend of Buddha by D. M. Lang. London, 1957, p. 49 sq.

¹⁴ P. Devos. Op. cit., p. 97; F. Dölger. BZ, Bd. 50, S. 514.

патриаршей библиотеки“, и ссылаюсь на его работу¹⁵. Таким образом, вопрос о замалчивании с моей стороны „открытия“ Блэйка отпадает. Но я указываю там, что Р. Блэйк недостаточно разобрался в существовании Иерусалимского текста, ограничился указанием Иерусалимского каталога с выдержкой нескольких фраз из аннотации, ошибочно датировал текст XIII—XIV вв. вместо XI в. и т. д. Издатель английского перевода „Мудрости Балавара“ Д. М. Ланг и издатель Иерусалимского текста № 140 чл.-корр. АН ГрузССР проф. И. Абуладзе одинаково считают, что Р. Блэйк не разобрался в самом тексте № 140 должным образом¹⁶. Совершенно ясно, что мнение обоих указанных издателей-специалистов совпадает с моим: Р. Блэйк нашел текст в Иерусалимской библиотеке, но по-настоящему „открыть“ его удалось недавно, когда текст был скопирован и стал доступен для изучения. Как видно из сказанного, замечание П. Дево, повторенное Ф. Дэльгером, не касается моих выводов и указывает только на необходимость дальнейшего изучения вопроса. Что же касается моей датировки Иерусалимского текста, то она тоже нашла подтверждение в исследовании проф. И. Абуладзе, поскольку речь идет об Иерусалимском тексте № 140, единственном сохранившемся рукописном экземпляре „Жития блаженного Иоасафа“. Правда, проф. И. Абуладзе считает этот экземпляр списком XI в. более раннего, гипотетически предполагаемого им текста. У меня есть основание не соглашаться с проф. И. Абуладзе, о чем я буду говорить отдельно. Но эти детали не имеют сейчас отношения к обсуждаемому вопросу.

Ф. Дэльгер в своей заметке, возражая против моего положения об Иоанне Мосхе как единственно возможном авторе „Мудрости Балавара“, говорит, следуя за П. Дево: „Не приняв положений своих предшественников (в том числе и моего), Нуцубидзе на основе своего «открытия» рукописи № 140 отождествляет... автора романа «Варлаама» с Иоанном Мосхом“¹⁷.

Мы уже видели, что мое „открытие“ рукописи № 140 оказалось просто недоразумением, а что касается Иоанна Мосха, то всякий, кто знаком с моей монографией по этому вопросу, знает, что я не только никак не основываю его авторство на иерусалимской версии, а, наоборот, весь аппарат сложных текстуальных сравнений на протяжении свыше ста страниц моей книги и исследование соответствующей историко-культурной ситуации позволили мне считать, что не Иерусалимский вариант XI в., а „Мудрость Балавара“ первой трети VII в. легла в основу греческого „Варлаама“. Следовательно, Иоанн Мосх, деятель VII в., не мог иметь отношения к Иерусалимскому тексту XI в.

Ф. Дэльгер сообщил мне в 1957 г., что П. Дево отвергает мой „новый тезис“. Он оказался прав: П. Дево действительно „отвергает“, однако отнюдь не опровергает моего, если и не „нового“, то во всяком случае научно обоснованного положения. Но характерно: когда П. Дево поддерживает наш общий тезис об авторстве Евфимия Ивера в отношении греческого „Варлаама“ против Ф. Дэльгера, то последний заявляет, что метод критики П. Дево — „голословное отвергание“¹⁸, но когда тем же методом П. Дево отвергает мой тезис, с ко-

¹⁵ Ш. И. Нуцубидзе. Ук. соч., стр. 81—82.

¹⁶ D. M. Lang. Preface to engl. translation of Wisdom of Balahvar. London, 1957, p. 44. Ср. И. Абуладзе. Грузинские редакции Балавариани. Тбилиси, 1937, стр. 12, 13. Указание на неточности работы Р. Блэйка по вопросу о рукописи патриаршей библиотеки в Иерусалиме касается всей его работы.

¹⁷ F. Dölger. BZ, Bd. L, S. 54.

¹⁸ Ibidem

торым не согласен Ф. Дэльгер, последний относится к такому методу критики одобрительно.

В начале своей работы П. Дево относится к моим утверждениям положительно. Он указывает, что я „собрал обширный материал“, что я правильно характеризую метод метафраза Евфимия Ивера, говорит о правильности моих замечаний против Ф. Дэльгера, но затем переходит к резкой критике моих положений, часто недостаточно объективной¹⁹.

Так, П. Дево пишет, будто сначала я признаю автором Иерусалимского текста Евфимия Ивера, а затем эта гипотеза мной же решительно отвергается²¹. Это утверждение основано на неправильном переводе русского текста моей работы на французский язык. У меня сказано: „может возникнуть сомнение“, а П. Дево переводит „La pensée peut paître“. Ясно, что это не одно и то же, так как в моем тексте указывается, что авторство Евфимия сомнительно, а по переводу получается, что оно возможно. После своей формулировки я, не вступая в какое-либо противоречие с самим собой, мог сказать, что есть данные, которые „мешают признать Евфимия Ивера автором... Иерусалимского текста“²¹. Случайная ошибка рецензента совершенно ясна, и, конечно, иначе никак нельзя объяснить его неоправданный вывод.

Гораздо важнее вопрос П. Дево о том, как я пришел к мысли об авторстве Иоанна Мосха²². Вопрос вполне естественный в научной практике, если бы весь контекст не создавал такого впечатления, будто „впервые произнес имя Мосх“ Зотенберг, а я, невзирая на разногласия с Зотенбергом, оказался под его влиянием.

Вероятно, я не сумел высказаться в своей книге по этому вопросу достаточно ясно, а именно, что я пришел к Мосху через Софрония Палестинского. В настоящее время по тому же вопросу выяснились более конкретные обстоятельства: нам недавно удалось объяснить, почему в текстах Мосх именуется то „Сабайтом“, то „Синаитом“, и неожиданно раскрыть, что название „Сабайт“ связывает имя Иоанна Мосха с авторством „Мудрости Балавара“, название же „Синаит“ — с его же произведением „Духовный луг“ („Лимонарий“ — посвящен Софронию Палестинскому)²³.

Зотенберг был против грузинского происхождения источника греческого метафраза „Варлаама“, а также против авторства Иоанна Мосха и внушить мне мысль об авторстве последнего в отношении такого источника, разумеется, не мог.

Пользуюсь случаем, чтобы для большей убедительности тезиса об авторстве Иоанна Мосха опровергнуть оба аргумента Зотенберга против авторства Иоанна Мосха.

Зотенберг считал, что из всех деятелей Сабайтской лавры в начале VII в. в качестве автора „Мудрости Балавара“ подходил бы создатель сборника „Духовный луг“ („Лимонарий“) Иоанн Мосх, но сейчас же отверг такую возможность, так как: 1) Иоанн Мосх рано покинул Сабайтскую лавру, отправился в Рим и там умер в 619 г.; 2) автор грубых — и по форме, и по содержанию — новелл „Лимонария“ не мог быть творцом изящной и глубокомысленной работы „Мудрость Балавара“.

¹⁹ P. Devos. Op. cit., p. 94, 95.

²⁰ Ibid., p. 97.

²¹ Ш. И. Нуцубидзе. Ук. соч., стр. 200.

²² P. Devos. Op. cit., p. 100.

²³ См. Ш. И. Нуцубидзе. Иоанн синаит или сабайт (на груз. языке). „Дроша“, № 5, 1958, стр. 16—17.

Оба эти соображения лишены основания. Во-первых, Иоанн Мосх покинул Сабайтскую лавру в 604 г. Вернувшись затем в Палестину, он в конце 619 г. (в ноябре) пишет вместе с Софронием „Жизнеописание Иоанна Милостивого“, что является опровержением года его смерти. С другой стороны, согласно древним указаниям, Иоанн Мосх умер около 634 г., когда Софроний ушел с поста иерусалимского патриарха. Похоронив своего учителя Иоанна Мосха, согласно его завещанию, в усыпальнице родного им обоим феодосиевского монастыря, Софроний, как сказано в документе, остальную часть своей жизни провел там же (τὸν ὑπόλοιπον χρόνον ἐν αὐτῇ τῇ μονῇ διαύσας)²⁴. Так рушится первый аргумент Зотенберга.

Во-вторых, новеллы „Лимонария“ не были лишены стиливых достоинств, они написаны просто и популярно и содержали в то же время глубокие для своего времени идеи. Недаром же они были зачитаны как образец II Никейским собором в том же VII в.²⁵ Согласно сохранившимся сведениям, современники сравнивали автора „Лимонария“ с Платоном и Цицероном²⁶. С художественной точки зрения особый интерес представляет введение к „Лимонарию“, где автор развивает свои идеи относительно душеполезных деяний и учений. Тождество автора „Лимонария“ и „Мудрости Варлаама“ (Балавара) доказывалось совпадением пассажей, словоупотребления, оборотов речи, а также идей обоих произведений. В науке сделаны попытки идентифицировать автора сравниваемых произведений на основании указанных данных.

П. Дево заявляет, что в грузинской редакции „Варлаама“ „нет никакого упоминания об Иоанне“, и делает вывод, что нечего было нам искать какого-то Иоанна как его автора²⁷. Действительно, в „Мудрости Балавара“ не указан автор записи рассказа, но рецензенту известно, что в такого рода апофтегматических писаниях, начинающихся с композиционных „рассказывал нам“ (διηγήσατο ἡμῖν), такое упоминание и не требовалось, но это не значило, что у этих произведений вообще не было автора. В новеллах, вошедших в „Духовный луг“, нигде не указан сам автор — тот же Иоанн Мосх, и только иногда упоминается Софроний как спутник Иоанна при собирании рассказов. В „Мудрости Балавара“ указан „сын“ (духовный) Софрония как лицо, доставившее повесть о Будде автору записи рассказа.

Паулю Дево, конечно, известно, что на основании такого сходства и „Духовный луг“, и „Мудрость Балавара“ были приписаны Софронию, упоминаемому в обоих памятниках, ошибочность чего, как известно, вскоре была раскрыта, и автором этих произведений был признан Иоанн Мосх²⁸.

В данном случае научная проблема заключается в том, что в оригинале греческого метафраза Иоанн не упоминается, а в греческом метафразе он появляется, и это как раз требуется объяснить.

П. Дево, как и Д. М. Ланг, принимают нашу датировку смерти Иоанна Мосха — 634 год (вместо 619, как считалось раньше, начиная с Зотенберга), но П. Дево считает нужным прибавить, что „г. Нуцубидзе имеет свои основания, чтобы отнести смерть Мосха к 634 году“²⁹. Для меня не совсем ясно, что именно хочет сказать этим рецензент.

²⁴ „Bibliotheca Veterum Patrum“, t. II. Paris, 1624, p. 1055.

²⁵ Joannis Moschi Pratum spirituale, PG, t. 87, pars III, col. 2849—2850.

²⁶ Ibidem.

²⁷ P. Devos. Op. cit., p. 101.

²⁸ PG, t. 87, col. 1850. Ср. Н. Я. Марр. Григорий Хандзтийский. СПб., 1911. Введение, § 9, стр. VIII.

²⁹ P. Devos. Op. cit., p. 102.

Наконец, по вопросу о грузинском происхождении Мосха (Месха), к величайшему моему сожалению, у моих оппонентов не нашлось, что сказать. Такое молчание тем менее понятно, что П. Дево считает, будто вопрос о грузинском происхождении Мосха — „как бы основа всей этой системы“³⁰.

Это не совсем так: выяснение грузинского происхождения Иоанна Мосха никак не являлось целью моего исследования. „Мудрость Варлаама“ (Балавара) находится в тесной связи с развитием грузинской культуры, особенно с IV по VII в., так как Иоанн Мосх и его работа — определенная ступень в борьбе грузинской культуры против начавшегося еще с III в. давления буддизма (под флагом манихейства)³¹. После таких ступеней этого развития, как сожжение „Книги Мобидана“, отразившей влияние этого давления в IV в., христианизация наследия античной философии в „ареопагитских книгах“ Петра Ивера (Псевдо-Дионисия, в V в.) и усвоение апологетики в анонимном памятнике „Эстате Мцхетели“, последовало применение того же метода борьбы — христианизации — и к буддизму, и такой исторически необходимой ступенью в грузинской культуре и явился труд Иоанна Мосха. В этом „основа“ моих исканий, а не в национальности Иоанна Мосха.

Вопрос о том, что автором „Лимонария“ является Иоанн Мосх, некогда спорный, со временем был решен окончательно. Все меньше возражений вызывает и утверждение, что Иоанн Мосх — автор и „Мудрости Варлаама“ (Балавара). Но ведь принятие этого утверждения — прямое доказательство того, что он был грузином, так как наше предположение о написании им „Мудрости Варлаама“ и на греческом языке не вызывает возражения, хотя такой текст не сохранился. „Мудрость Варлаама“ (Балавара), близкая по языковым, идейным и культурно-историческим данным к „Лимонарию“, сохранилась, и ее автор — Иоанн Мосх — грузин, что важно, как указывалось, отнюдь не с националистической точки зрения.

П. Дево указал на хорошо известный факт, что „Мосхи давно засвидетельствованы в греческом мире“³². Но ведь поскольку речь идет об имени, а не о национальности, то Мосхи засвидетельствованы и в греческом мире (баснописец Мосх), и в Сирии (в Дамаске)³³, и в Тире (в новелле 186 „Духовного Луга“)³⁴. Это бесспорно, но разве вопрос в этом? Во всех этих случаях речь идет о Мосхе как об имени. Сам Иоанн Мосх в новелле 186 прямо говорит, что Мосх из Тира — *κομμερκιάριος τῆν, ὀνόματι Μόσχος* („торговец по имени Мосх“). Но ведь давно уже возник спор, означает ли „Мосх“ имя или происхождение, род, национальность, иными словами, следует говорить *Ἰωάννης τοῦ Μόσχου*, т. е. Иоанн, сын Мосха, где „Мосх“ опять-таки обозначает имя отца Иоанна (Мосха), или же *Ἰωάννης ὁ Μόσχος*, что указывало бы на происхождение³⁵. Фотий пытался внести поправку в этот вопрос и предложил считать слово „Мосх“ не именем, а прозвищем, но это, разумеется, не меняет дела³⁶. Против Фотия выступали Гельцер и др.³⁷ Еще с XVI в. Розвейда считал, что Мосх не имя, а националь-

³⁰ P. Devos. Op. cit., p. 103.

³¹ Ср. предисловие к английскому переводу „Мудрости Варлаама (Балавара)“.

³² P. Devos. Op. cit., p. 103.

³³ S. Vailhé. Jean Moschus. EO, vol. V, p. 108.

³⁴ Ioan. Mosch. Op. cit. (PG, t. 87, col. 3061—3064).

³⁵ Cotelierius. Ecclesiae graecae Monumenta, t. II, p. 341, 655 etc. Цит. по PG, t. 87, pars III, col. 2843 — Notitia ad Ioannis Moschi Pratum Spirituale.

³⁶ Photios. Bibliotheca, 162, 33. Цит. по PG, t. 87, pars III, Notitia... Ср. III. И. Нуцубидзе. Ук. соч., стр. 108.

³⁷ H. Gelzer. Leontios von Neapolis. Leben des heil. Johannes des Barmherzigen, Erzbischof von Alexandrien. Freiburg in Bräusgau und Leipzig, 1893, S. 1.

ность³⁸. Трудно судить сегодня, столетия спустя, знал ли Розвейда, что мосхи — это одно из грузинских племен³⁹ и что в мосхском синаксаре еще в IX в. фигурировало имя Иоасафа, а с XI в. он был признан „грузинским святым“⁴⁰. Таким образом, мы только повторили заключения других о национальности Иоанна Мосха, сделанные гораздо раньше нас и подтвердившие наши догадки.

Но каждый раз, когда нам, советским ученым, в большей или меньшей степени удастся вывести из мрака забвения деятелей прошлого, на Западе раздаются голоса, будто нами руководят националистические соображения. Так, например, В. Грюмель, выступая по вопросу об авторе „ареопагитских книг“, писал, что „кроме грузинского ученого г. Нуцубидзе, никто не угадал тайны“⁴¹, и пытался объяснить это националистическими мотивами, хотя было известно, что почти одновременно со мной и независимо от меня член бельгийской Академии наук Э. Хонигман пришел к тем же выводам о Петре Ивере, т. е. Грузине.

То же, к сожалению, имеет место и при обсуждении вопроса о „Варлааме и Иоасафе“. Я учитывал, что тезис о Мосхе вызовет возражения, и готов с благодарностью использовать указания специалистов.

Ш. И. Нуцубидзе

BILDERSTREIT UND ARABERSTURM IN BYZANZ

Das 8. Jahrhundert (717—813) aus der Weltchronik des Theophanes übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer. Verlag Styria, Graz—Wien—Köln 1957, 244 S. („Byzantinische Geschichtsschreiber“, herausgegeben von Univ.-Prof. Dr. E. v. Ivanka, Bd. VI)

Под редакцией известного австрийского профессора истории византийской философии и богословия Эндре Иванка (Грац) издается серия переводов на немецкий язык византийских авторов. Шестой выпуск серии посвящен хронографии Феофана. Произведение Феофана переведено не полностью, но лишь с 717 г., т. е. с прихода к власти Сирийской династии.

В предисловии редактор оценивает произведение Феофана с его интересом к церковной жизни как характерное для „духа византийского народа“. Уже этим определяется направленность издания. В этой связи следует также отметить, что в перечне сокращений (фактически, библиографии темы) совершенно не указаны исследования на русском языке.

³⁸ Rosweida. Vita Patrum. Prolegomena, p. 12. Цит. по PG, t. 87, pars III, Notitia... col. 2843.

³⁹ Великий грузинский поэт Руставели был мосх (месх) по своему племенному происхождению.

⁴⁰ П. Ингорюк. История грузинской письменности. „Мнатоби“, № 10—11, 1939, стр. 246 (на груз. яз.).

⁴¹ V. Grumel. Une decouverte surprenante. „La nouvelle Clio“, IV, 1952, p. 308 sq. Далее В. Грюмель писал: „Sauf un savant géorgien M. Nucubidse en 1942, personne n'avait deviné le mot de l'enigme“. Это место относится к заявлению Э. Хонигмана (согласно сообщению А. Грегара), что „un savant géorgien Š. I. Nucubidse... a déjà énoncé plusieurs années avant moi, la même supposition“ (E. Honigmann. Pierre l'Iberien et les écrits du pseudo-Denys l'Aréopagite. „Mémoires de l'Académie Royale de Belgique“, t. XLVII, 1952, fasc. 3).